

Посвящается моему мужу.

Его комментарии к тексту выделены небесно-синим.

ГЛАВА 13.

За купейным окном волны мечут лихую пену, несутся казачьими шашками на старые черкесские берега. Мой поезд проехал оставшиеся от черкесов названия — Дагомыс, Учдере, Лоо, Буу, Варданае.

Скоро уже Туапсе. Сейчас закончится море — и станет совсем невыносимо. Но надо успеть дописать мой роман. Хотя я ещё даже не начала описывать *наш* роман. А уже ведь тринадцатая глава.

Дык начни уже.

Телефон пикирует новыми сообщениями. Приёмная просит записать видео. Поздравить китайцев с годом Огненной Лошади.

По китайскому календарю Тигран — огненная лошадь. Разве мог он родиться в другой год? Мой огненный конь.

Был такой советский мультфильм для взрослых. Назывался «32 декабря». Ссорясь, муж и жена пели:

*И вообще, мы с тобой антипо-о-оды! Я лошадь, а ты обезьяна, по японскому календарю-у-у-у.**

* Строчка из песни «Добры молодцы» — дуэт мужа и жены из м/ф «32 декабря». Муз. А. Киселёва, сл. Л. Дербенёва.

Во-первых, не по японскому, а по китайскому. Во-вторых, Тигран лошадь, а я — обезьяна. И мы не просто не антиподы — мы антипод антиподов.

Мораль сей басни — нельзя верить в гороскопы. Вообще ничему, придуманному человеком, верить нельзя. Даже колесу. Мой сотрудник впал в кому и умер, упав с велосипеда.

С каждым прожитым рядом с Тиграном годом я становилась на год моложе. Если считать в обратную сторону, то на момент его комы мне был двадцать один. Знакомые спрашивали, в чём секрет, кто делал мне пластику, где я добыла молодильные яблоки. У меня действительно были и секрет, и пластика, и молодильные яблоки. Наше с ними последнее фото опубликовано на обложке.

Теперь я выгляжу обыкновенной больной старухой. У меня нет волос, бровей и ресниц. Мои облысевшие глаза стали мутными, как этот мир. Кожа, высушенная химией, при солнечном свете сереет, как накипь на старом чайнике.

Я была свеженькой маргариткой, и смотри, что ты сделал со мной.

Меня искусственно ввели в раннюю менопаузу. Так делают, чтобы увеличить шансы больных раком груди. Это вызывает приливы, как у Саманты из главного сериала женщин моего поколения — «Секс в большом городе». Однажды мы с одноклассницами провели Новый год за просмотром

этого сериала, валяясь в моей квартире в Краснодаре, пока чей-то заблудший бойфренд делал нам «Космополитены».

В сорок пять я наконец выгляжу на свой возраст. А то и старше. Но это не из-за химии и менопаузы. Дело в том, что пепел моих молодильных яблок стоит в синей вазе на моей прикроватной тумбочке.

От приливов внезапно охватывает такой жар, что хочется снять кожу. Пот не течёт ручьём, а низвергается водопадом «Девичьи слёзы».

В том мультике для взрослых муж-обезьяна и жена-огненная лошадь ссорятся из-за её измены с кавказцем. Кавказец поёт:

*Были ярче и волшебней сказки
Наши встречи на земле кавказской.**

Если я начну описывать свою кавказскую измену, то получится такой мультик для взрослых, что его не опубликует ни одно издательство.

Но попробую.

Перед самым нашим знакомством с Тиграном я предприняла последнюю попытку выскочить из панического невроза. Когда человеку не может помочь официальная медицина, он идёт к народным целителям. Я пошла к целителям китайского народа. Как гласила вывеска над рестораном «Пекинская утка» возле моей бывшей работы: «Полтора миллиарда китайцев не могут ошибаться».

В Москву как раз наведалься знаменитый китайский профессор, способный по пульсу излечить псориаз, бесплодие и чахотку.

Переводчик плохо говорил по-русски. Профессор пощупал мой пульс. Переводчик сказал:

— Знаете, о чём разговаривает твой пульс?

— Нет. Я никогда не общалась со своим пульсом. Вообще ни разу его не слышала.

* Строчка из песни «Добры молодцы» — дуэт мужа и жены из м/ф «32 декабря». Муз. А. Киселёва, сл. Л. Дербенёва.

— Ваш пульс говорит: почему ты решила, что ты больная девушка?

— Мне так сказали врачи.

— Какая твоя болезнь?

— Невроз.

— Нет такая болезнь. Вы совсем здоровая девушка. Просто у тебя испеклась кровь. Её надо гонять. Она испеклась потому, что внутри тебя горит много огня и его слишком давно не пускали гулять. Надо его гулять каждый день, как собачку. Всё проходит.

— Всё проходит — в принципе? Или у меня всё пройдёт? Разумеется, при условии, что я буду гулять огонь, как собачку.

— В китайском языке нет будущее время, — укоризненно ответил переводчик профессора.

Я удивилась. Не знала. Я вообще не знаю китайского. Я же не наши с Тиграном дети.

— Будущее никто неизвестно, — пояснил профессор. — Нельзя сказать: «Завтра мы будем смотреть мраморная ладя в Летний дворец». А вдруг сегодня начинается ядерная война? Тогда завтра мы не будем смотреть мраморная ладя в Летний дворец. Поэтому гоняйте кровь, гуляйте огонь — всё проходит.

Так и вышло. Полтора миллиарда китайцев действительно не могут ошибаться.

Ах, как ты гонял мою кровь, как ты выгуливал мой огонь, мой огненный конь!

С того звездопада эсэмэсок мы виделись каждый день, созванивались каждый час и переписывались каждые две минуты. Если я, отвлечённая рабочей летучкой, не отвечала дольше пяти минут, у Тиграна критически поднималось давление. Но это на меня не давило. Какая, действительно, может быть летучка, когда у тебя самой только что выросли крылья.

*Я знаю: век мой уж измерен.
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днём увижусь я.*

Так и было. Почти сразу мы стали читать друг другу когда-то выученные наизусть, то есть очень понравившиеся, стихи. Потом стали учить новые.

Это началось на втором или третьем нашем обеде, которые уже пора было переквалифицировать в свидания. В отдельном кабинете «Старого Фазтона» он заказал бараньи семечки, я — только «Мохито». Пятнадцать лет и трое детей назад я была значительно полнее, чем спустя пятнадцать лет и трое детей.

Да, ты была толстенькая. Муся моя.

После встречи с Тиграном я села на диету, состоявшую из «Мохито» и «Мальборо». Уже понимала, что рано или поздно падишах захочет увидеть меня голой. Могла бы, конечно, и раньше *рамка себя держать*, но раньше в моём окружении не было ни одного падишаха.

Облизывая баранью семечку, Тигран сказал:

— Главное в жизни — не перепутать бараньи семечки с бараньими семенниками.

— В американской школе меня называли «девочкой, которая ест рыбью сперму», — заметила я.

— Я, между прочим, тоже год жил в Америке. Снимал клипы для рэперов. Знаю кучу матерных анекдотов на английском. Так что ты на меня одним глазом не смотри!

— Почему я должна смотреть на тебя одним глазом? — не поняла я.

Тигран закатил персидские глаза.

— Это поговорка такая армянская, ара! Тебе точно фамилию в паспорте не перепутали?

— Фамилию-то могли перепутать. Но ведь нос-то не могли.

— Нос как нос. По сравнению со знаменитой моделью Армине Арутюнян так просто шедевр.

— Бывшая твоя, что ли?

— Эта — нет. Но вообще, детка, у всех мужчин есть прошлое.

— Я в курсе. Хорошо, если у них нет настоящего. Если нет будущего — так это вообще подарок небес.

Тигран расхохотался. Мы оба ещё не понимали, что нельзя так шутить про будущее. И про подарки небес.

— Кстати, вспомнил один нематерный американский анекдот! — сказал Тигран. — Поляка на таможне спрашивают про цель его визита. Он отвечает: “I want to polish my English”. Таможенник его заворачивает и говорит: “Your English is Polish enough”*.

Я знала этот анекдот. Мне его рассказывал мистер Эндрю О’Хара.

Оказалось, Тигран работал в Америке в тот же год, когда я там училась. И вернулся по той же причине. Он тоже не вынес принудительного скрежета металлических трубок, мимикрирующих под ветряные колокольчики, как ядовитая рыба каменный чёрт мимикрирует под коралл.

Оказалось, Тигран ещё и снимал телесериал в моём Краснодаре.

Оказалось, мы бродили вокруг да около нашей любви чуть ли не с самого моего рождения.

— Почему ты мне не попала в Краснодаре, в 91-м?

— Ты бы вряд ли мной заинтересовался. А если бы заинтересовался, тебя бы посадили. Мне было одиннадцать лет.

* *пер.* — Я хочу отполировать свой английский.

— Ваш английский и так достаточно польский.

Игра слов — «отполировать» и «польский» по-английски одно и то же слово.

— Одиннадцать лет! Получается, ты даже толком не помнишь Советский Союз?!

— Прекрасно помню. Я успела быть барабанщицей школьного пионерского отряда!

— Ну-ка — настоящая фамилия Штирлица? Быстро, не думая!

— Я не смотрела Штирлица.

— Ты. Не смотрела. Штирлица. Именно Штирлица, — Тигран замер с бараньей косточкой в воздухе, как с дирижёрской палочкой. — Я тебя правильно услышал?

Я хлопала глазами. Они уже были готовы расплакаться. Разочаровать падишаха из-за Штирлица — это надо ещё умудриться.

— Ладно, будем навёрстывать, — сказал Тигран. — Поедешь со мной на выходные в Коломну.

— Почему в Коломну? Почему не в Великий Новгород?

— Почему в Великий Новгород? Почему не в Коломну?

— Хотя бы потому, что в Великом Новгороде случилось моё главное по сей день достижение. Хотя мне было всего семнадцать лет.

— Твоё главное достижение — это что я с тобой обедаю третий день подряд.

Я улынулась и промолчала. Не стала говорить, в чём заключалось моё достижение в Великом Новгороде. К третьему свиданию я уже достаточно выучила падишаха, чтобы знать, что он не выдержит. Опять свалится в 1:0. Любопытство победит самолюбие.

Впрочем, к тому времени я перестала вести счёт. Мне стал ясен смысл идиомы «открытая книга». И дело не в том, что я так хорошо разбираюсь в людях, вовсе нет. — Да уж! — А в том, что для того, чтобы понять Тиграна, мне было достаточно перелистать себя.

— Так что у тебя было в Великом Новгороде? И с кем? — спросил наконец Тигран, как бы не особенно интересуясь. Тогда ещё он не знал, что я листаю его, как себя.

— С великой русской литературой. Я заняла первое место на конкурсе чтецов в рамках Всероссийской олимпиады.

Тигран выронил скользкую косточку. Прищурился.

— Этого не может быть.

— Почему же? «Ты одним глазом на меня не смотри!»

— Потому что это я занял первое место на конкурсе чтецов в рамках олимпиады.

Я не поверила. Попыталась съязвить.

— В рамках олимпиады по *русскому* языку?

— Ара, рамка себя держи, — Тигран погрозил пальцем. — Да будет тебе известно, что я родился и вырос в Москве. В отличие от некоторых.

— И зачем же ты, сноб московский, третий день подряд обедаешь с деревенщиной?

— Не смей говорить так о моей жене, — промурчал Тигран, вгрызаясь в новую баранью семечку.

— Я не о твоей жене, я о себе.

— Так и я о тебе.

Я посмотрела на него с недоумением.

— А что? — промурчал он, потянувшись за лавашем. — Мне кажется, что мы женаты лет десять. А до этого выросли в одной песочнице.

Я поперхнулась «Мохито» и уставилась на него, кашляя и хохоча.

— Я режиссёр, я так вижу, — сказал Тигран, не разделяя мой смех.

Оказалось, что с разницей в пятнадцать лет мы действительно оба получили первое место на Всероссийском конкурсе чтецов, читая одно и то же стихотворение. «Лиличка».

В июне одного и того же года (1919-го) к ней и ко мне в дом, в двух несмежных странах, впорхнула чья-то канарейка.

И вдруг, прямо за обеденным столом, заставленным армянскими разносолами, мы начали читать «Лиличку» вслух наизусть. Две строчки он, две строчки — я.

*Завтра забудешь, что тебя короновал,
Что душу цветущую любовью выжг.*

*И суетных дней взметённый карнавал
растреплет страницы моих книжек. . . **

Я отставила недопитый «Мохито» и недокуренную «Мальборо» и сказала:

— Ты очень меня растрогал сейчас.

— Да я вообще тебя не трогал. Хотя уже давно пора, — он улыбнулся одной половиной губ. Но тут же посерьёзnel. — Всё это плохо кончится. Это будет огромная, неуголимая любовь. А я ведь никогда не уйду от Алёны.

Это оказалось единственным обещанием, которое он не сдержал.

Ещё скажи, что ты не рада.

— О чём ты вообще? — смеялась я. — Мы даже не целовались с тобой!

* Отрывок из стихотворения «Лиличка!». Авт. В. Маяковский.

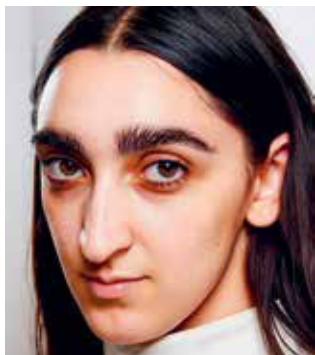
— Действительно. Это надо исправить, — сказал Тигран.

И исправил.

Вот тогда я впервые услышала собственный пульс. Сердце рвануло из рёберной клетки. Ему хотелось взмыть в небеса.

Сразу после чего кто-то подменил зеркала в «Старом Фазтоне». А также в нашей с Андреем съёмной квартире. А также у меня на работе. А также — в Кремле. А также везде, где я появлялась.

Дело в том, что до Тиграна в зеркалах я видела знаменитую модель Армине Арутюнян. Знаменита она тем, что считается самой некрасивой армянкой в мире.

А после Тиграна в зеркалах я увидела Ким Кардашьян. Которая считается самой красивой армянкой.

Shutterstock / asm.levradin

Если приглядеться, у них действительно много общего. Смотря какими глазами смотреть.

Я стала смотреть на себя глазами Тиграна.

Иногда старые зеркала возвращались. Я смотрела в них и недоумевала: что он во мне нашёл? Ведь я давно выросла из порочного свитера, в юности легко покорявшего мужские сердца и другие органы.

Он ответил на этот вопрос на четвёртом свидании, после того, как я прочитала ему очередные стихи. В этот раз на английском. Как и обещала в одиннадцатой главе.

*While you excel in useless explanations,
I sigh, exiled in eyes of blackened gold.
Roses are red, but I prefer carnations —
So, hush, just let me sink and get dissolved.*

*Your violets are ok, now let me have'em.
Please, be my boy, my someone to betray,
To be or not to be, to sip some heaven,
Please, be my B. Too much to pay for A.*

— Я половину не понял, — сказал Тигран.

— Я на это и рассчитывала, — ответила я.

— Чьи стихи-то?

— Мои.

Тигран поднял левую бровь.

— Ты по-прежнему смотришь на меня одним глазом, — улыбнулась я.

И вдруг он пристально посмотрел на меня обоими глазами. Внезапно из них исчезли искры азарта. Улетучился порох охотничьего инстинкта. Появилась несвойственная этим глазам растерянность. Как если бы в отдельном кабинете «Старого Фазтона» он вдруг увидел неведому зверушку.

Для опытного, удачливого и пресыщенного охотника неведома зверушка представляет значительно больший трофейный интерес, чем любая Царевна-Лебедь.

Вот тогда он и сформулировал ответ на вопрос: «Что ты в ней нашёл?». И для себя, и для Алёны, и для её поклонников, и для своих поклонников, и для поклонников их как пары. В гостях у друзей, в эфирах ток-шоу и на домашних застольях он говорил одно:

— Просто меня давным-давно не удивляли бабы.

И это единственное, за что я благодарна городу Бристоль, штат Нью-Гэмпшир, отполировавшему мой английский.

Эти удивившие Тиграна стихи я написала ночью того дня, когда во всём мире подменили зеркала. Суть стихотворения в том, что я влюбилась, но за это придётся заплатить слишком дорогую цену.

Какая непозволительная наивность. Тогда дорогой ценой мне казалось разрушение наших семей. Разве могла я подумать, что речь шла о разрушении мироздания?

Может быть, Набоков там переведёт ему эти стихи на русский. Я не смогла. Я же не Набоков.

Литературной невинности я лишилась задолго до «Лолиты». Дело в том, что летом, в Молдовке, после всей домашней работы, после похода за яйцами к петуху, кормёжки свиней, прополки кинзы, после пятого кофе и послеобеденных нардов, оставалось ещё много энергии, а приложить её было некуда. Молдовка далеко от моря, возить нас было некому, а ездить самим — не на чем. Из моей Молдовки не выбраться, если нет машины. Это единственное, чем они похожи с городом Бристоль, штат Нью-Гэмпшир.

От скуки мы с сёстрами — Ариной и Алисой — иногда проказничали. Вместо семечек, которыми бабушка Кегецик торговала на углу нашего проулка, засыпали ей в кульки гречку. Однажды подменили вставную челюсть бабушкиной сестры на вырезанную из сырой картофелины. Челюсть, естественно, сразу сломалась, и бабушка Кегецик гоняла нас крапивою по огороду. В другой раз мы опустили с крыши одеяло так, чтобы оно резко закрыло окно, — и дед Адам решил, что наступил конец света.

С нами было бы легче справиться, если бы в Молдовке водилось побольше книжек. Но откуда им взяться в советской деревне в восьмидесятые? Мы читали всё, что было в доме. Кроме «Тысячи и одной ночи», которую взрослые нам не разрешали. Считали, что рано. Остальное мы зачитали до дыр — почти в прямом смысле слова. В восемь лет я знала наизусть все пословицы из дедушкиного студенческого самоучителя по латыни. Чаше других в них встречалось похожее на змею слово *omnia*. Некоторые помню до сих пор.

Omnia mea mecum porto. Всё своё ношу с собой.

Omnia vincit amor. Любовь побеждает всё.

Увлечение латынью прошло, когда в поисках книг мы с сёстрами откопали спрятанную кем-то из взрослых «Камасутру» с картинками. Вот бы они посмеялись, что запрещали нам читать «Тысячу и одну ночь»!

Как лето в моей Молдовке наступает задолго до соответствующего листика в дедушкином перекидном календаре, так и наша любовь наступила ещё до того, как мы стали любовниками. До того, как мы в ней признались. Себе самим и друг другу.

Это не было сериалом «Секс в большом городе». Это было тринадцатой главой послания апостола Павла к коринфянам.

Если я говорю на языках людей и даже ангелов, но не владею даром любви, я всего лишь гулкий колокол или громкая цимбала.

Набоковский Гумберт сам «делал постели» им с Лолитой. Это ещё одна калька с английского. По-русски нельзя «делать постели». Можно их заправлять. Что мы делали в постели, где всегда заправлял мой падишах, — и по-русски, и по-французски, и на всех языках, кроме языка ангелов, — я не буду рассказывать. Наши ночи случались днём — украденные у семьи и работы, — и пусть они останутся зудящими язвами зависти всех непорочных свитеров подлунного мира.

Carpe diem. Лови день.

Мы ловили день каждый день. Их взметённые карнавалы, караваны, каравеллы и старые фаэтоны за час доставляли нас к краю земли и обратно, потому что распорядительница полётами отводила нам только час

моего обеденного перерыва. В этот час в мире не было больше мороси, слякоти, копоты. Когти похоти вязли в мягкости нежности. Когда ты целовал меня, свет ночей моих, из каждой моей железы, пульсируя, тёк малиновый сок.

Да лобзает он меня лобзанием уст своих, ибо ласки твои лучшие вина.

Это о нас «Битлз» написали песню «I Want You», похожую на «Дорз», а «Дорз» — песню «Love Street», похожую на «Битлз». Это для нас высокопоставленные китайцы изобрели шелка, и фарфор, и компас, который всегда указывал только на нас. Это для нас Роден отсёк лишнее от мрамора, чтобы получить статую «Поцелуй».

Это для нас продолжали двигаться молодые Кавказские горы, низвергалась Ниагара и водопад «Девичьи слёзы». Это про нас молоком и мёдом писали царь Соломон и апостол Павел, для нас Маяковский влюбился в Лиличку, Уильям Батлер Йейтс написал «Её триумф», а Пастернак — строчку: «Лицо лазури пышет над лицом недышащей любимицы реки».

Это нас провожало в отели гортанное пение всех мартовских кошек, для нас пробуждали землю апрели, и земля, украшенная цветением мая, забывала вертеться, заглядевшись на нас. Мы смотрели из окон гостиниц на мельтешащие улицы, а видели остолбеневшее море, и волшебные странные птицы кружили над нами, крича.

Это для нас в мутном мире были придуманы чёрные кудри и белые зубы, не ведавшие ортодонта, и персидский разрез глаз, и брови — сросшиеся, как мы с тобой, мой царь Соломон. Для нас мороз вышивал восточный узор на окнах всех городов, для нас Луна управляла приливами...

Ох, что-то меня аж бросило в жар. Наверное, это приливы...

У меня у самого уже приливы!

Мы были ликующе, торжествующе счастливы, созависимо друг от друга и независимо от подлунного мира.

Dis aliter visum. Боги рассудили иначе.

Это фраза из Вергилия. Данте выбрал Вергилия своим экскурсоводом по загробному миру. Думаю, Тигран выторгует эту экскурсию и для нас.

Я уже через товаровед-завсклад договорился, Мусь.

На свой сорок пятый день рождения я собиралась явиться в коротком декольтированном платье цвета малинового сока. На пригласительных должно было быть написано «Ягодка опять».

Я отметила свои сорок пять в его реанимации. Читала ему наизусть «Лиличку».

Так зовут новую жену Андрея. Именно Лиличка. Она совершенно на меня не похожа. Очень высокая, стройная блондинка с ямочками на бело-розовых щёчках. Помесь Скарлетт Йоханссон из «Трудностей перевода» и Шарлиз Терон из рекламы «Кристиан Диор». Я очень счастлива, что они очень счастливы.

Всё течёт, всё меняется... Годы — чайки...

Чайки закончились. Мы проехали Туапсе.

За окном мелькнули последние запущенные огороды с оранжевыми шарами хурмы, заменяющими сочинскому побережью новогодние декорации. Опавший инжир исподтишка показал мне фигу.

Моря больше не будет. Как и «Старого Фаэтона». Главный армянский ресторан Москвы не смог пережить тебя, пой падишах. И у меня, как видишь, не особенно получается.

Можешь быть спокоен. Ни завтра, ни послезавтра я не забуду, что меня короновал. Что душу цветущую любовью выжег. И суетных дней взметённый карнавал, возможно, пощадит страницы моих книжек. А пока у меня ещё шевелятся пальцы, дай хоть последней нежностью выстелить твой уходящий шаг.

Та китайская клиника здравствует по сей день. Правда, профессор больше не приезжал. Очень жаль. Сейчас бы он мне пригодился. Он, конечно, был гений. По биению пульса понять, что вылечить меня может только любовь!

Omnia vincit amor. Любовь побеждает всё.

Кроме смерти.

Не зря же профессор предупреждал меня, что в китайском языке нет будущего.